

K R I S T I N K O V A L

PENITENCE

К Р И С Т И Н К О В А Л Ь

ПОКАЯНИЕ

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва
2026

УДК 821.111(73)
ББК 84(4Coe)6-44
К56

Перевод с английского Натальи Александровой

Коваль, К.

К56 Покаяние / К. Коваль ; [пер. с англ. Н. Александрова]. — М. : Эвербук / Дом историй, 2026. — 400 с.

ISBN 978-5-0058-0930-8

Что определяет нас как личность? Самое ужасное, что мы совершили? Или мы больше, чем страшные поступки?

После шокирующего убийства в доме Энджи и Дэвида Шиханов их жизнь рассыпается на осколки. В отчаянии они обращаются за помощью к адвокату из своего городка, Мартине Дюмон. Но Мартина — не просто юрист, она мать первой любви Энджи, Джулиана, с которым их связывает трагическое прошлое.

Им предстоит вновь встретиться лицом к лицу с давно похороненной виной и невысказанными чувствами, чтобы защитить тех, кого они любят, и наконец принести покаяние.

Этот напряженный и пронзительный роман заставит вас задуматься о силе прощения, семейных узах и возможности искупить вину, которая преследует тебя десятилетиями.

**УДК 821.111(73)
ББК 84(4Coe)6-44**

В тексте упоминаются социальные сети Facebook и Instagram — продукты компании Meta Platforms Inc., которая была признана экстремистской организацией и запрещена в России.

*Содержит информацию о наркотических или психотропных веществах, употребление которых опасно для здоровья.
Их незаконный оборот влечет уголовную ответственность.*

PENITENCE by Kris Koval. Copyright © 2025 by Kristin M. E. Koval. By arrangement with the Author.

All rights reserved.

© Александрова Н. С., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Эвербук», Издательство «Дом историй»,
2026

© Макет, верстка. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2026

ISBN 978-5-0058-0930-8

Моим родителям Беа и Берни

Мы все — больше, чем наш
самый худший поступок.

БРАЙАН СТИВЕНСОН

Пролог

Нора Шихан сидит в тюрьме в Лоджполе, в штате Колорадо, вокруг — три стены из шлакоблока и серая холодная решетка, какую она раньше видела только по телевизору. Норе тринадцать — она уже готова отринуть детство, но пока это все еще только тень женщины, в которую она, вероятно, однажды превратится. Особенно сильно Нора тоскует по плюшевому пингвину, которого на четырехлетие ей подарил старший брат Нико, и она не может понять почему и обхватывает плечи худенькими руками — бесперая птичка, пытающаяся согреть себя голыми крыльями. По ней и не скажешь, что она только что застрелила брата.

В соседнем помещении двое полицейских так заняты спором о том, что делать дальше, что им даже в голову не приходит, что Нора, возможно, замерзла. Лоджпол, от которого до города три часа езды, не приспособлен к тому, чтобы здесь разбирались с убийством или убийцей, и в принципе не приспособлен к содержанию тринадцатилетних преступников. Полицейский постарше думает о своей спящей дома под пуховым одеялом в горошек четырнадцатилетней дочери и о ее предстоящей кинсеаньере¹, после которой, по ее мнению, она станет

¹ В странах Латинской Америки — празднование пятнадцатилетия девочки, что символизирует ее переход во взрослую жизнь. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

женщиной. Полицейский помоложе думает о том, как быстро жизнь вытекла из трех ран в теле мальчика, как быстро человек бледнеет, лишаясь крови. Оба нервно теребят пальцы, подчас стискивая их так сильно, что белеют кончики. Такого в их городке не случается. Такое показывают только в новостях. Такого просто не может быть.

На Сосновой улице, в своем лиловом доме с облупившейся краской, Энджи Шихан смотрит на желтую сигнальную ленту на двери в комнату сына. Такая же лента и на двери в комнату дочери. Кровать Нико пуста, и Энджи хотелось бы погрузиться в неглубокий отпечаток, оставленный на матрасе его телом, вдохнуть запах сладковатого мужского дезодоранта, который он выпросил, чтобы маскировать пробивающийся запах подросткового пота. Энджи дрожит, но не от шока или страха, а потому, что ее муж Дэвид, уходя к адвокату, не до конца закрыл входную дверь и во всем доме тянет сквозняком. «Надо пойти закрыть дверь, — думает она. — У нас нет лишних денег на коммуналку, особенно сейчас». Она осталась наедине со звуками опустевшего дома, звуками, которые будут дребезжать в нем до конца ее жизни. Она закрывает глаза, чтобы исчезли ленты, холод и сочащийся из окна в конце коридора свинцовый рассвет.

На другом конце города Дэвид колотит в дверь Мартины Дюмон. Он пришел, потому что Мартина не взяла трубку — с чего бы, в 5:25 утра? — и уже нажал на кнопку звонка один, второй, третий раз. Вчера он стоял за Мартиной в очереди в «Беас маркет», чтобы купить любимое печенье Нико — имбирное с патокой, — так что он знает, что Мартина дома. Дэвид всегда относился к Мартине с некоторой неприязнью, потому что она занимается неприглядными разводами и представляет в суде всяких преступников, например ту девушку, живущую в паре округов от них, которая оставила новорож-

денного младенца в мусорном баке за школой. И потому, что она мать Джулиана. Когда на пресс-конференции Мартина, спокойная и собранная, отвечала на вопросы о процессе той девушки, его неприязнь трансформировалась в отвращение, от которого к горлу подкатила желчь. Как может мать выбросить своего ребенка и как может Мартина такую мать защищать? Но сейчас она нужна им. Им нужен кто-то спокойный и собранный. Дэвид колотит в дверь еще сильнее.

Мартина пока пребывает в блаженном сне и, еще не участвуя в разворачивающейся трагедии, лежит на левой стороне кровати, хотя ее мужа Сайруса не стало уже больше года назад. Она заснула под уханье виргинского филина, эхом отдававшееся в металлическом дымоходе, его «у-у-ху-у» накатывали одно на другое приглушенными отголосками, которые она скорее чувствовала, чем слышала, и эта синестезия ее убаюкала. Наконец стук будит ее, и она резко дергается. Должно быть, кто-то умер, иначе в дверь не ломились бы в такой час. «Джулиан», — проносится у нее в голове, но лишь на мгновение. Он не стал бы указывать ее контактным лицом для связи в экстренной ситуации, только не теперь, когда прошло столько времени и он живет в Нью-Йорке. Может, кто-то хочет предупредить о пожаре? Но уже не сезон. Город уже окутало снегом, унылым слоем вязкой белой каши, которую принесло с северо-запада два дня назад и которая застала снегоуборочные машины врасплох. Этот снег обрадовал ранних лыжников и вогнал в уныние всех остальных. Что до стука, то это, наверное, просто медведь перевернул мусорный бак: ищет еду, чтобы нагулять перед спячкой побольше жира. Мартина надевает треники, подпрыгивает, чтобы натянуть левую штанину, и ударяется ногой о прикроватный столик. Кричит: «Сука!» — и, потирая ногу, чтобы унять боль, опирается на край кровати, а ее некогда живой муж, молодая она и маленькие Джулиан

с Грегори смотрят на нее из серебряной фоторамки на прикроватном столике с двухмерным упреком.

Джулиан, который не помнит, когда последний раз разговаривал с матерью, находится от нее в двух часовых поясах и уже на рабочем месте. Он адвокат по уголовным делам и работает на Манхэттене, не подозревая, какими последствиями расцветают его давние поступки: таких бутонов он и представить себе не мог. Сегодня вечером Мартину покажут в новостях, ее скупой комментарий о новой подзащитной будут крутить, разбирая по косточкам, снова и снова, чтобы привлечь падкую на злорадство общественность. Когда в полночь по пути домой он, сидя на заднем сиденье такси, увидит заголовок, то перестанет скроллить ленту и пробежит глазами статью, отчасти потому, что убийство произошло в Колорадо, отчасти потому, что похожие дела он иногда ведет pro bono. Увидит имя Мартины, сосредоточится и станет читать внимательнее. А когда увидит название родного города и имя матери убийцы — Энджи Шихан, — то перевернет телефон экраном вниз и взглянет в окно такси, не видя и не слыша гудящих машин, которые скапливаются на загруженном перекрестке.

А Нико? Нико лежит в морге.

1

Октябрь 2016 г.

К тому времени как Дэвид заканчивает объяснять, что произошло — или что, по его мнению, могло произойти, — Мартина уже полностью проснулась. Не потому, что он рассказывал долго и за это время она успела сварить утренний кофе, но потому, что он выплюнул весь рассказ на одном дыхании и шок от услышанного затмил боль от ушибленного секунды назад пальца. Мартина не может осмыслить случившееся как убийство, это скорее удар, очередной удар для бедной Энджи, которая до *этого* и так разрывалась между заботами о матери с Альцгеймером и заботами о больном сыне: Нико, которому только четырнадцать, диагностировали хорею Гентингтона. Энджи сносила тяготы с достоинством, но Мартина уже давно не видела, чтобы она улыбалась.

Они стоят в прихожей, студёный воздух пробирается через дверь, которую Дэвид не до конца закрыл, снег с его ботинок стаивает на тёплый пол. Он в шортах и футболке, хотя погода на улице уже зимняя, и Мартина, смущенная интимностью вида жестких волос на его икрах, поднимает взгляд. Дэвид работает рейнджером в Службе национальных парков и, наверное, привык часто находиться на

воздухе, на жаре летом и на холоде зимой, но его покрывшиеся мурашками голые ноги — будто брешь в броне, признание собственного отчаяния. Щель в паркете засасывает собравшуюся у его правой ноги лужицу, втягивает воду во внутренности дома в викторианском стиле.

— Мне очень жаль. — Звучит по-идиотски, ведь что это вообще значит? Что она принесет им запеканку? Что жалость каким-то образом поправит случившееся? Эти слова, еще более пустые, чем обычно, повисают между ними в воздухе.

Дэвид переминается с ноги на ногу, и с его ботинок валится очередной комок снега. Снова влага, из-за которой и так вздыбившийся дубовый пол вздыбится еще больше. Рыжие волосы Дэвида с выцветающими на висках прядями торчат жирными клочками, а в глаза Мартины он вперился взглядом, похожим на слишком крепкое рукопожатие, которое он не желал ослабить.

— Нам нужна твоя помощь. Нору увезли в тюрьму.

Мартина молча смотрит на него, стараясь сохранить на лице бесстрастность. Это всегда было одним из ее преимуществ как юриста: никто не мог понять, что она думает.

— Ей всего тринадцать, — говорит он. — Она ребенок. В таких случаях должен быть другой порядок.

— Дэвид, я через пару месяцев выхожу на пенсию. Я могу направить вас к адвокату, который справится лучше меня. У меня было только одно подобное дело, да и то покушение на убийство.

Она не может брать новых клиентов. Ей семьдесят два, и она устала, устала от пошлых разводов, грызни за опеку, исков за просроченную арендную плату, устала писать за вещания для обеспокоенных родителей, составлять договоры для новых магазинов алкогольных напитков, защищать лыжников-любителей, распивающих спиртное в общественных местах. Последние несколько лет она

кажется самой себе каким-то грехоприимцем: защищает своих клиентов, что бы они ни совершили, хранит их секреты. В какой-то момент волшебство от того, что она, будучи юристом, с максимальной отдачей представляет чьи-то интересы, полемизирует, приводит доводы, ищет компромисс, — это волшебство рассеялось. Постепенно Мартина передавала клиентов купившей ее практику юристке — молодой женщине, все еще жадной до работы, которая только выстраивает клиентскую базу. И Мартина знает, что Дэвид об этом знает, потому что Лодж-пол — маленький городок. Здесь все всё обо всех знают.

В ответ Дэвид смотрит на нее с таким же бесстрастным выражением.

— Энджи знала, что ты так скажешь. Но Норе нужен адвокат.

«Да, — думает Мартина. — Но только не я». Только не в случае этой семьи. Но все-таки Нора еще ребенок. Ее не должны держать в камере. А женщина, которая купила ее практику, не занимается уголовными делами, а передает их юридической фирме в Уэринге в часе езды отсюда. Она из этого нового поколения, которое делает только то, что хочет, как будто марать руки выше их достоинства.

— Энджи говорит, что тебе стоит взять это дело из-за Дианы. У нас не хватит денег нанять кого-то другого. Мы уже заложили дом второй раз, чтобы оплатить лечение Нико. Или ты, или ей назначат государственного защитника.

Мартина предвидела это и кивнула, не желая показаться воодушевленной или, того хуже, загнанной в угол и оттого обязанной согласиться.

— Подожди тут. Дай мне пять минут, я оденусь.

Он тоже кивает и складывает руки на груди, погруженный в собственные круги ада, непроницаемый для ветра, который теперь врывается в открытую дверь, и Мартина решает не просить Дэвида ее закрыть.